

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ
БЛУЖДАЮЩИЕ
ТЕНИ

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 1992 году
Выпуск 809

Художник
И. Воронин

Щепетнов Е. В.

Щ56 Блуждающие Тени: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 346 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1336-2

Куда исчезли жители Аркаима? Как избавить людей от страшных болезней? Как сбежать от недреманного ока могущественной спецслужбы? Как стать волшебником и чтобы ничего за это не было? Он узнает все и постарается выжить — и в нашем мире, и в параллельном. Но сделать это будет ой как трудно...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1336-2

© Щепетнов Е. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Какой таинственной казалась мне та ночь,
Я затушил свечу и стал ждать, чего — не знаю.
В тишине вдруг представилось мне

Блуждают тени возле дома разных сказочных зверей...
«Король и шут»

ГЛАВА 1

Сколько помню себя — я никогда не болел. Нет, вру — болел, но как бы это сказать... чихнул пару раз, и все — болезнь убиралась от меня, как будто меня напичкали антибиотиками или же сделали кучу уколов. Даже когда в нашем классе, а потом в университете свирепствовали эпидемии гриппа, я ходил по опустевшим коридорам учебных заведений с видом победителя — хрен вам, а не комиссарского тела! И это при том, что спортом я особо-то не занимался, никогда не злоупотреблял физкультурой или какими-нибудь оздоравливающими упражнениями.

Чем горжусь? Тем, что, как сказал знакомый медик, от предков мне достался невероятный иммунитет? Да, горжусь, а почему бы нет? Моя прабабушка с маминой стороны, простая деревенская баба, дожила до ста семнадцати лет. Кстати — по дошедшим до меня слухам, она была деревенской колдуньей и уходила из жизни очень тяжело.

Как-то бабушка виновато сказала моей матери: «Она так просила взять ее за руку — взяла бы, она бы так не мучилась! Никак не могла уйти... так и померла в муках, ругала меня все. Она же должна была передать свою силу мне, а не вышло. Мне бы тогда пришлось передавать силу Петьке... ну ее, силу эту. Прожили жизнь как люди, и слава богу! Эй ты, шпана, ну-ка хватит подслушивать!» Я с позором был изгнан из-за кухонной двери и бит веником.

Я тоже ничем не отличался от всех окружающих — ну кроме, как сказал, отменным здоровьем, которое не могли пошатнуть никакие СПИД или проказа. (Тьфу-тьфу! Как говорила бабушка, язык мой — враг мой!) Дожил я до два-

дцати двух лет спокойно, сытно и весело — пока не случились эти события, перевернувшие всю мою жизнь...

Этот день начался как обычно: я пришел в фирму по ремонту сложной бытовой техники — телевизоров, мониторов и всякой такой хрени, взгромоздился в свое кресло, предвкушая чашку кофе и общение в скайпе с друзьями, а уже после плотного возлияния и общения собираясь наконец проверить этот чертов ящик, занимающий половину моего рабочего места.

В огромном зале было светло и прохладно, гудела аппаратура и пощелкивали выключатели, у входа в зал скапливалась небольшая группка знакомых и знакомых знакомых мастеров, ожидающих выхода своего благодетеля к столу охранника — нормальная обстановка сервисного центра по ремонту, к которой я привык за полгода, что здесь работаю, и которая вызывала только скуку и больше никаких эмоций. Платили здесь неплохо, и после окончания физмата я устроился сюда работать через папиного приятеля, имеющего какое-то отношение к системе этих сервисов.

Так-то работа меня не напрягала, мне с детства нравилось возиться с приборами — дома имелся осциллограф и различные причиндалы для ремонта техники, так что тут я был, можно сказать, на своем месте. Амбициозностью я не обладал — хватает на жизнь, на одежду, обувь, на пиво и сходить в клуб с девчонкой, и ладно. Ну да, хотелось бы там мотоцикл с визжащим глушителем, и чтобы девка прижималась ко мне голыми сиськами, смеясь и размахивая снятой майкой, но я смотрел на жизнь реально: на хороший моцик надо много денег, а на плохом только позориться, что касается темы сисег — конечно, вниманием не был обижен, но и сексуальным маньяком не числился. В общем, среднестатистический парень, каких миллионы и на которых держится весь мир. Так я считал до этого дня...

Закончив свои делишки и искоса поглядывая на приближающегося ко мне начальника группы, я с умным видом снял заднюю крышку телевизора и погрузил свои умелые руки внутрь, автоматически, как последний лох, цапанувши обеими руками за внутренности аппарата...

Что происходило в течение последующих десяти минут,

я не помню. Мне рассказывали, что я вскрикнул и с грохотом свалился на каменный пол, ударившись об него головой с таким стуком, что услышал даже охранник в двадцати метрах от меня.

Подбежавший ко мне начальник группы кинулся слушать сердцебиение — его не было. Минут пять я лежал на полу в окружении толпы тупо взирающих на меня соратников, пока их не растолкал с матерными выражениями и пиханием локтями старый мастер, хромой, перекошенный на одну сторону Василий Петрович, работавший по вызовам еще в советское время.

Он кинулся ко мне и с силой ударил несколько раз по груди сложенными вместе кулаками, прямо в сердце. Потом на этом месте у меня был огромный синячина, и сильно болела грудь — мастер был сухонький и старенький, но ходьба с клюшкой так натренировала его руки, что он бы мог гнуть ими подковы... Сердце снова пошло.

Сколько я был в состоянии клинической смерти? Никто не знает. Одним показалось, что прошло минут десять с того момента, как мое сердце остановилось от удара током, другие говорили, что прошла всего минута. Я благодарен судьбе, что рядом оказался этот злой, перекошенный жизнью старикашка — старый мастер Петрович, ему я и благодарен за все, что со мной случилось дальше. Иначе я бы уже лежал за железной оградкой, под дурацким памятником с еще более дурацкой фоткой, которую достали бы из моего университетского альбома.

Пробуждение было странным — я не понимал, где нахожусь. Надо мной, в необъятной вышине, плавали знакомые лица, но я никак не мог сосредоточиться и узнать их — вроде лица знакомые, но имена вылетели из головы, и все тут! Потом зрение сфокусировалось, и я узнал Петровича, он произнес три слова, два из которых были матерные, присовокупив:

— Чуть парня не загубили, болваны! Вот вам урок на будущее — не хватайтесь ручками поганенькими за что угодно, не подумав! — Дальше следовал непере译имый фольклор в мой адрес, безрукого придурка с кривыми руками.

Вот интересно, как могут сосуществовать эти два взаимо-

исключающих факта — безрукий криворукий придурок? Ведь если у меня нет рук, то как они могут быть кривыми? Логичность этой мысли и сам процесс размышления разогнали мой мозг, и я все-таки осознал, что со мной что-то не так, и понял, что лежу на полу в окружении толпы любопытных людей, воспользовавшихся случаем, чтобы увильнуть от трудовой деятельности.

Тут же в голову ударила боль от столкновения с каменным полом — ощупав затылок, я обнаружил на нем страшнейшую шишку, размером с яйцо, не меньше. Голова сразу закружилась, и меня затошнило, что тотчас разогнало любопытствующих подальше от меня: смотреть, как помирает знакомый, довольно весело и интересно, а вот получить порцию блевотины на ботинок — не так забавно.

Впрочем, содержимое желудка — два яйца всмятку и бутерброд с сыром-маслом — я все-таки в себе удержал, но мне было реально хреново.

С помощью начальника группы Андрея я сел в свое кресло, откинулся на спинку и замер, пережидая очередной приступ дурноты. В глазах плавали мошки, какие-то веревки, нитки и сетки — такой гадости никогда не видал. Сколько ни моргал — нитки-шнурки никуда не девались, насылая на меня тошноту и боль. Закрыв глаза.

— Ну что, Михайлов, может, «скорую» тебе вызвать? А может, без «скорой» обойдемся — поедешь домой, я тебя отвезу! Ты сегодня не работник, это точно! — Жизнерадостный голос начальника группы ремонтников Андрея просто сочился сочувствием, а в моей больной голове неожиданно вспыхнула картинка: Андрей на пляже, рядом с загорелой телкой и бутылкой пива.

Я встряхнул головой — ясно, да, хочет воспользоваться случаем и свалить из офиса, чтобы потом сквозануть на пляж и позагорать. Похвальное желание — в такой ясный летний день смотреть на скучные рожи коллег и слушать гул неоновых ламп это просто извращение. Почему бы не помочь человеку принять правильное решение? Да пусть едет, пусть окажет помощь своему подчиненному.

— Да, Андрей... что-то мне нехорошо... отвези меня домой, на улицу Котовского. Знаешь, где это?

— Знаю, конечно, не вопрос! Не заблюешь мне сиденья? Как чувствуешь себя?

— Нормально... почти. Возьми на всякий случай пакет с собой, вдруг что — я в него поблюю. Поможешь мне дойти? Я что-то хреново вижу — в глазах мельтешит все, не пойму ничего. Отлежусь дома, а там видно будет, что делать... Может, в больничку схожу.

— Ага. Только это, Петь... в больничке скажи, что дома упал, после работы, ладно? А то нас премии лишат. А мы тебе тут больничный нормально закроем, отпуск еще сделаем... Лишнего не говори, ладно? — Простодушно-хитрое лицо тридцатилетнего начальника озарилось внутренним светом от осознания своей правильности и ума: вот, мол, какой я — и товарищу помогу, и производству не наврежу.

— Ладно, ладно, помогай давай, а то я опять грохнусь, — досадливо сказал я и, пошатываясь, встал с своего рабочего места.

Окинул взглядом стол — телефон не оставил, документы на месте — можно и валить отсюда. Отлежусь с недельку, отдохну и снова сюда. Тогда я не знал, что на своем законном рабочем месте был в последний раз...

Поддерживаемый под локоть начальником, предвкушающим жар песка и холодное пиво в горло, я вышел с ним к «Логану», втиснутому у входа в сервисный центр. Андрей распахнул правую дверцу и, следя, чтобы несущиеся по полосе автомашины не снесли нас вместе с ней, усадил меня на сиденье, захлопнул дверцу и пошел на водительское место.

Он обходил машину спереди, и, сфокусировав глаза на нем, я с отвращением заметил, что на его шее сидит какая-то пакость — что-то вроде слизня или этакого мешочка, ритмично раздувающего бока, как будто пьет из него кровь. От этой твари тянулась нитка ярко-красного цвета, уходящая куда-то вдаль. Андрей невозмутимо уселся за руль, вставил ключ в замок зажигания, завел автомобиль и только тут увидел мой странный взгляд.

— Ты чего? Чего смотришь на меня, как будто увидел морского змея? Что, поблевать хочешь? Дать мешок?

— Давай... — протянул я неуверенно, потом решил: — Слушай, Андрей, чего там у тебя на шее?

— А чего у меня на шее? — Он провел рукой по затылку, посмотрел на ладонь и с подозрением взглянул на меня. — Чего ты там увидал?

— Ты ничего не чувствуешь? Совсем ничего?

— Да что я должен чувствовать-то? — начал сердиться Андрей. — У тебя что, глюки?

— Наверное, да, потому что я вижу какую-то тварь, присосавшуюся к твоей шее! — выпалил я, будто бросился в ледяную прорубь.

— Э-э-э... братец, что-то все-таки у тебя с головой. Сейчас, как приедешь, ложись в постель, выключай всю муру типа телика и компа и спи. Проспишься — будешь как огурчик, и никто ни у кого уже не будет сидеть. Если только это не телка на коленях...

Машина вывернула в поток и понеслась по полузабитой транспортом улице.

Дорога к дому не заняла особо много времени — через двадцать минут я уже стоял перед подъездом своей пятиэтажки, а спустя еще минуту медленно поднимался по затертой тысячами ног лестнице на пятый этаж, где и проживал все двадцать два года своей жизни вместе с матерью и отцом.

Вернее, двадцать один год вместе с матерью и отцом — последний год мы жили с матерью вдвоем, отец умер после недолгой болезни, сгорел за четыре недели, врачи сказали, что у него рак толстой кишки. Он несколько месяцев жаловался на боли в желудке, но терпел. А когда обследование показало, что он болен раком, было уже поздно... Мне до сих пор не хватает его, и я не могу привыкнуть к его отсутствию — вот и сейчас мне казалось, что он откроет дверь и, подмигнув, скажет: «Что, сбежал с работенки? Да наплюй — выкрутимся! Было бы здоровье!» Увы, не дал Бог здоровья, не выкрутились.

Звонить в дверь квартиры я не стал, все равно дома никого нет — мать работала экономистом в каком-то учреждении, связанном то ли с сельским хозяйством, то ли с собесом, и наверняка была на работе. Впрочем — к лучшему: объяснять, что со мной случилось, отбиваться от попыток вызвать «скорую помощь» у меня совершенно не было сил. Так как опыта болеть у меня не было, переносил я свое болезненное состоя-

ние очень плохо: жизнь казалась отвратительной, будущее — бесперспективным и тусклым, и вообще хотелось умереть.

Под воздействием депрессии я прошел на кухню, где в шкафчике стояла бутылка коньяка, который мать добавляла в тесто для тортов и печенья. Баловала нас она этим делом редко, а после смерти отца вообще ничего не пекла, так что этой бутылке было минимум два года, и я боялся, что коньяк совершенно выдохся.

Нет, не выдохся — налив в граненый стакан грамм сто пятьдесят этой гадости, я залпом вылил в себя жгучую жидкость, едва не сфонтанировав, как нефтяная скважина.

Удержав в себе эту пакость, скорее убрал бутылку на место и максимально быстро пошел в свою комнату, пока стресс и алкоголь не взяли надо мною верх. Плюхнувшись на кровать, почувствовал, как коньяк впитывается в кровь, растворяется внутри меня и окутывает мозг теплым одеялом, отгоняя дурные мысли, депрессию и странные картинки, лезущие мне в глаза. Последнее, что я подумал: «Отлежусь, все нормально будет». И уснул.

Проснулся я уже вечером, когда грохнула входная дверь и в квартиру вошла мать. Она прошла сразу на кухню, опытным глазом увидела, что я брал бутылку с коньяком, и с трагическим выражением лица прибежала ко мне в комнату.

— Что с тобой? Ты *пьешь*? Ты спиваешься! Твой дедушка Григорий пил горькую, и гены передались тебе! Это все отцовская родня. Их дурное влияние!

— Мам, ну ты чего?! Просто мне было плохо, депрессия, и еще — я ударился головой, вот и полечился немного. Ты же знаешь, я не пью! Сто раз же тебе говорил!

— Не пьешь? Ты употребляешь наркотики? Мне рассказывала Мария Федоровна на работе — вся молодежь сейчас пьет и употребляет наркотики! Сынок, признайся — если вовремя полечить, мы спасем тебя! Я продам бабушкино кольцо, возьму кредит в банке, и мы тебя полечим! Сынок, признайся, ты наркоман?

— Мам, ты с ума сошла? Если я не пью, значит, наркоман? А если выпил сто грамм, значит, алкоголик? Ты хоть понимаешь, что это взаимоисключающие заявления? Отстань от

меня! Не пью я и не нарк! И даже не курю, как ты знаешь! Лучше пожрать чего-нибудь сделай, я с утра ничего не ел!

Под причитания матери я потащился в ванную, разделся и встал под душ, смывая горячей водой пот, оставшийся после дневного тяжелого сна, и головную боль от удара об пол. Перед тем как пройти в душ, я украдкой внимательно посмотрел на мать — нет, никаких чудовищ на шее или еще где-либо не увидел, хотя пространство так и было заполнено нитками — красные, желтые, черные, зеленые и серые — всех цветов и оттенков, каких только не было! Попробовав потрогать нити, убедился: я никак не могу на них воздействовать, эти нити струились, как какие-то лучи, если подставлял руку — они проходили через нее, не оставляя никаких следов и не давая никаких ощущений.

Приняв душ, я надел трусики и майку и пошел в кухню.

Мать гремела посудой — покосилась на меня:

— Садись. Я пельменей сварила, ешь. Сегодня не пойдешь никуда?

— Нет, скорее всего не пойду. Говорю тебе — сегодня упал, ударился головой. Сильно. Вот и лечился... глянть, шишка тут какая была!

Мать подошла ко мне, ощупала голову, ахнула:

— Давай «скорую» вызовем! А если трещина в черепе?! А если ты вообще с ума сойдешь с такой травмой? Я, когда маленькая была, у нас в детском саду один мальчик с качелей упал, так у него с головой что-то случилось: он уверял, что видит чудовищ всяких, — (я при этом поперхнулся и долго откашливался под сочувственным взглядом матери), — плакал, спать перестал. Его забрали из садика, говорили — лечили долго, но так и не помогло. Не знаю, что с ним потом было. Вдруг и у тебя с головой что-то? Надо врачу показаться обязательно! Завтра прямо с утра и пойдешь! И не возражай, не возражай! Я сейчас позвоню тете Оле, у нее хирург знакомый есть — пусть завтра осмотрит, а чтобы ты не сбежал, я завтра сама с тобой пойду. Знаю тебя, негодника, — скажешь, что был у врача, а сам сбежишь!

Мать немедленно приступила к боевым действиям — набрала по сотовому телефону родную сестру, тетку Олю, рассказала, как собирается меня взять в полон и подвергнуть

унижениям с помощью осмотра у хирурга, и моя судьба была решена: десять утра, Первая клиническая больница, доктор Симонович.

Ночь прошла тихо — я спал как убитый, провалившись в сон в девять часов вечера, будто бы и не проспал весь день. Это было странно, так как я обычно ложился поздно, очень поздно: пока полазишь по Сети, пока считаешь, а то вдруг возникнет мысль поиграть в сетевуху какую-нибудь — смотришь, уже час-два ночи. Утром со скрипом встаешь на работу и сидишь там до обеда с чугунной башкой — скорее всего, это и было причиной, по которой я допустил такую элементарную ошибку и подставился под удар током в несколько тысяч вольт.

Утром мать торжествующе повела меня в больницу — лучше нет развлечения для матерей, чем залечивать своих несчастных чад. Материнский инстинкт, страшный и не рассуждающий, заставляет пичкать своих детинушек лекарствами, парить им ноги и ставить банки, даже если они уже на голову выше матери и весят в два раза больше, вот как я.

Выход на улицу стал для меня потрясением, какого я не испытывал еще никогда: нити никуда не делись, а улицы были заполнены людьми, на которых сидели чудовища различного вида и расцветок — как и нити, идущие к ним, они были всех цветов радуги и располагались где угодно, от шеи до гениталий. Жутко было видеть, как навстречу мне идет девушка в легкомысленных шортах, облегающих ее красивые бедра, а внизу живота у нее, как этакий горб, висит противный фиолетовый мешок, пульсирующий наподобие сердца.

Я проводил взглядом несчастную, подумавшую, что я заглядываюсь на ее попу, и презрительно фыркнувшую при виде простого парня в дешевых кроссовках и джинсах не от Версачи, и, со смятением в голове, пошел дальше, опасно поглядывая на мою конвоиршу — не дай бог, она узнает, что я вижу чудовищ! Судьба мальчика из ее детства не вдохновляла меня на откровения.

Вообще, давно сделал вывод: чем меньше рассказываешь матери о своих недомоганиях, тем меньше шансов их усугубить — залечит к чертовой бабушке.

Но деваться было некуда — я любил свою мать и расстраивать не хотел, она и так чуть ума не лишилась после смерти отца, пусть уж покомандует, переживу.

По дороге в больницу я насчитал несколько десятков людей, на которых сидели чудовища. Сообразить, что бы это значило, я не мог — предположения были, но настолько фантастичные, что не укладывались в голову, болевшей после вчерашнего падения и возлияний коньяка; я ведь на самом деле почти не пью... ну так, изредка, в компании, и потом сильно от этого болею.

— Ну что, молодой человек, на что жалуетесь? — жизнерадостно спросил меня доктор лет сорока пяти, в белоснежном халате, с щеголеватыми усиками над губой.

— На маму. Еще — нет мотоцикла. Зарплата не очень. Еще, может быть, какие-то жалобы вам сообщить?

Доктор сразу притух, жизнерадостная улыбка увяла, и он взглянул на мою мать.

— Тяжелый случай. Говорите, головой ударился? Никак не проявлялось? Тошнота, рвота? Какие-то отклонения в психике? — Он взял со стола снимок моего черепа, экстренно сделанный в рентгенологическом кабинете, и посмотрел на свет. — Нет, трещин вроде нет. Ну что, юноша, так и будете отмалчиваться и тревожить свою мать? Может, все-таки расскажете о своих симптомах?

Что меня дернуло, я не знаю — то ли был приступ хулиганского настроения, то ли раздосадовало обращение со мной, как с маленьким ребенком со стороны матери и этого жизнерадостного доктора, — только я взял и со зла ляпнул:

— Вижу на вас, в области поясницы, сгусток вроде слизняка, от которого тянется серая нить. Вижу чудовищ на других людях — не на всех, правда, но на многих. Еще вопросы?

Врач с интересом посмотрел на меня, покосился на мою мать и с облегчением сказал:

— Не мой профиль. Это вам надо к Льву Филипповичу, в тринадцатый кабинет, сейчас я вам направление к нему дам. С моей стороны никаких нарушений не замечено — череп цел, и вообще, на удивление *физически* здоровый человек, соответствующий своему возрасту. Вы не спортсмен, молодой человек? — Врач быстро писал что-то на листке. — Нет?

А такой здоровый! Может, потому и здоровый! — усмехнулся он и протянул моей матери листок с непонятными каракулями. — Сходите к Льву Филипповичу, он вам что-нибудь посоветует...

Мы вышли из кабинета, я плотно закрыл за собой дверь и огляделся — больница была полна людей, на которых сидели чудовища — от маленьких, размером с мандарин, до огромных, похожих на пульсирующий воздушный шар метр в диаметре.

Такой шар висел на молодой девушке с интересным лицом, которая с трудом шла на костылях, сопровождаемая врачом и женщиной лет сорока — видимо матерью, с заплаканными красными глазами. Мне стало тошно, и я отвел взгляд.

Мать мне что-то говорила, плаксиво морща лицо, убеждала — непонятно в чем. Я лишь разобрал из ее слов, что совершенно необходимо сходить к Льву Филипповичу — он настоящий психиатр, старой школы, он обязательно разберется с моим недугом и поможет!

— Психиатр? Какой психиатр?! Это он меня к психиатру отправил? — с недоумением переспросил я, разглядывая бумажку с каракулями хирурга. — Да пошел он к чертовой матери, я нормальнее всех вас, вместе взятых! Не веришь, что я вижу чудовищ на людях, не надо — от этого они все равно не исчезнут! Ты понимаешь, я вижу их! Я вижу!

— Ну что ты кричишь, что кричишь? — нервно оглянулась мать, проверяя, не слышал ли кто-нибудь моих крамольных слов. — Тебе что, трудно, что ли? Ну сходи, ради моего спокойствия сходи! Я же не так много прошу у тебя! — И она тихонько заплакала, прижимая к глазам платок.

Я выругался про себя: вот черт! Придется идти! Сколько раз хотел уехать куда-нибудь от этой материнской опеки, да жалко ее — как будет без меня, пропадет одна.

Угрюмо кивнув, я обреченно проследовал за матерью к белой двери с табличкой «Психиатр» и номером «13» вверху.

Забавное совпадение, подумалось мне, забудь надежду всяк сюда входящий! Толкнув дверь, я решительно вошел в кабинет:

— Здравствуйте. Вы Лев Филиппович? Меня направил к вам хирург.

— Да-да! — высунулась из-за моей спины мать. — Мы от Симоновича, он нас направил! Вы нас примете, доктор?

— Вас? — с усмешкой спросил психиатр и посмотрел на нас поверх очков, сидящих на самом кончике носа. — А вы что, тоже на прием? Или только этот молодой человек? Если только он — выйдите из кабинета и закройте дверь. А вы, юноша, присаживайтесь и рассказывайте.

Мать поспешно скрылась за дверью, я же посмотрел на сидящего за столом мужчину, больше похожего на грузчика, чем на психиатра, своими мощными плечами, пышными соломенными усами под красным носом и крупными руками.

Ему было лет шестьдесят — впрочем, может, и больше, я никогда не умел определять возраст людей, как-то не задумывался над этим. Научусь когда-нибудь. Меня не оставляло раздражение — от этого посещения врачей, на мать, на свою жизнь, которая преподнесла мне странный сюрприз. Я был настроен еще агрессивнее, чем у хирурга.

Усевшись напротив стола, я демонстративно независимо положил ногу на ногу и уткнулся глазами в руки врача, покрытые вздутыми венами, — что-то он совсем не похож на психиатра, может, самозванец какой-нибудь, диплом купил?

Чем больше я накручивал себя, тем веселее становился врач — почему-то я чувствовал это, и после продолжительного молчания он сказал:

— Достала, да? Знакомое чувство... я тоже когда-то был под гнетом материнской любви, пока не сходил в армию. Там научили, как выживать... Ты в армии еще не был?

— И не буду, — буркнул я угрюмо. — У нас военная кафедра была в университете. И вообще, тратить год-два жизни на дебильную муштру может только идиот! Что, визнаете — нет ли у меня психической статьи? Нет, заверяю вас. Поход в больницу — затея моей матери, ни малейшего смысла в нем не вижу!

— Да без проблем! Просто поговорите со мной, и все — чтобы успокоить вашу маму... Вы же не хотите причинить ей боль? Она расстроится, если вы сейчас уйдете. Может, рас-

плачется — я же вижу, что она уже плакала, вы же приличный молодой человек, сразу видно, любите свою маму. Ответьте на мои вопросы и идите себе домой! Ну что, поговорим?

— Поговорим. Задавайте ваши вопросы. Только если они мне не понравятся — я отвечать не буду!

— Договорились! Я же не гестапо, чтобы вас пытаться! Начнем с малого: вы работаете где-то?

Неожиданно для себя я выложил ему все про свою жизнь — он ловко подталкивал меня наводящими вопросами, спрашивал о каких-то, с моей точки зрения, несущественных деталях, и в конце концов оказалось, что я рассказал ему все до того момента, как и почему оказался сегодня в больнице.

Насторожившись, я ждал, что психиатр будет выпытывать какие-то подробности моей половой жизни или еще что-то такое же интимное, но ничего подобного не произошло, и я расслабился.

— Да-да, среднестатистический молодой человек, не курите, не пьете, вот только тут доктор Симонович пишет: «Галлюцинации, возможно, на почве алкогольно-наркотического отравления...» Это как? Вы сказали, что не выпиваете и не употребляете, а откуда такие галлюцинации взялись? Вы чего-нибудь этакое на работе ели-пили? Ну например — съели что-то из магазина «Магнит», и вас пронесло, или же глюки пошли, нет? Бывает же — попало что-то в консервы или в салат, и человек страдает. Не думали над этим? Нет? Не могли бы описать свои видения?

— Видения? Хорошо, слушайте, — усмехнулся я. — Весь мир, все пространство пронизано нитями — тонкими и толстыми. Они идут в разных направлениях, пучками и отдельно, и тянутся к неким стусткам, похожим на слизняков, сидящих на людях. Они сидят на разных участках тела и пульсируют, пульсируют, пульсируют — как будто что-то перекачивают.

— Красиво! — восхитился врач. — А какого цвета ваши... хм... мешки?

— Разного — любых оттенков. От серого и черного до красного и синего. Размеры тоже разные — от маленьких, с грецкий орех, до огромных, метр в диаметре.

— И что, они на всех людях? И на мне тоже? На вас?

— На мне нет. На вас? — Я посмотрел на доктора внимательно, привстав, окинул взглядом с головы до ног. — Нет, на вас я бы нить, тянущуюся к вашему «слизняку», видел. Они не на всех людях, примерно процентах на двадцати, но в больнице таких гораздо больше — процентов девяносто. Ну вот так вот...

— Интересно, очень интересно! Вы так подробно их описываете. Знаете, что я вам скажу... Не могли бы вы встретиться с одним человеком — это мой университетский товарищ, он тоже психиатр, он в соседнем корпусе находится — в стационаре. Можно, я его приглашу, и вы ему расскажете о своих видениях? Подождите минут двадцать, ладно? Посидите в коридорчике. Мне бы хотелось с ним проконсультроваться — больно уж случай интересный!

— Посижу, если не долго... почему нет.

— Нет-нет, очень быстро — сейчас я с ним созвонюсь, и он прибежит. Идите посидите пока в коридоре.

Врач, ласково улыбаясь, выставил меня из кабинета, и я опустил на кушетку, где, нервно ожидая меня, сидела мать.

Она, с испугом заглядывая мне в глаза, спросила:

— Ну что, что доктор сказал? Можно как-то это вылечить?

— А чего это-то? — ошетинился я. — Что я тебе, психопат, что ли? Оставь эти дурацкие предположения! Я нормальнее вас с доктором, вместе взятых!

— Ладно, ладно, успокойся! Так что доктор сказал?

— Доктор позвал своего друга, типа консилиум — будут разглядывать меня, как зверушку. Довольна? Мам, ты иногда просто невозможна! Так и хочешь загнать меня в дурдом!

Мы препирались уже минут пятнадцать, когда в коридоре показался пожилой толстенный человек-колобок, в распахнутом, развевающимся халате, стремительно направляющийся в нашу сторону. Предположив, что это и есть искомый психиатр, друг здешнего психиатра, я встал с места и стал прохаживаться возле кадки с фикусом, ожидая когда меня позовут. «Колобок» исчез за дверью кабинета номер

тринадцать, и через пару минут оттуда выглянул Лев Филиппович:

— Зайдите, молодой человек.

Мое сердце слегка сжалось — не нравилась мне вся эта суета вокруг меня, и, приготовившись к самому худшему, я шагнул за порог. Мне и правда закралась мысль — может, действительно что-то случилось с моим мозгом и я вижу то, чего не существует? Я знал по триллерам, что в принципе человека можно убедить в чем угодно, если воздействовать на него нужным образом, а уж если с помощью специальных лекарств... У меня просто мороз по коже прошел.

Так что к моменту беседы с «консилиумом» я уже был весь в тягостных раздумьях о своем болезненном состоянии, и меня можно было убедить в чем угодно — например, в том, что я шизик и подлежу лоботомии.

— Я рассказал моему коллеге о ваших видениях, но он хотел бы это услышать от вас. Не могли бы вы повторить то, что мне говорили?

— Что, все с самого начала?

— Сначала, только то, что касается ваших видений, разумеется.

Минут пять я излагал, что я вижу, «колобок» внимательно слушал, доброжелательно кивал, и я успокоился — может, и правда вижу то, что вижу, и я не сумасшедший?

После того как я закончил, наступило молчание, затем «колобок» начал важно сыпать какими-то терминами, похоже, на латыни. Врачи о чем-то с жаром спорили минут десять, в потоке латинских фраз я не понимал ни слова и в конце концов затосковал — сколько можно слушать эту хрень?

Видимо заметив это, Лев Филиппович обуздал свое красноречие и нормальным голосом сказал:

— Наш уникум заскучал, давай-ка, Вась, перейдем все-таки к самой главной и животрепещущей проблеме — что с ним делать?

— Ничего со мной не делать! — заволновался я. — Вы что, лоботомию мне задумали сделать или током бить? Так я не дамся!

Врачи весело рассмеялись — а чего им не веселиться, не

их же превратят в овощ! Отсмеявшись, Лев Филиппович сказал:

— Никто вас не собирается оперировать! Но мы бы очень хотели понаблюдать вас какое-то время в стационаре, если бы вы согласились. Насильно никто вас не будет туда класть, но, если у вас есть возможность побыть в стационаре и желание все-таки узнать о данном феномене что-либо, прошу вас, согласитесь на обследование! Вас как звать? Петр, ага. Так вот, Петр, досужие вымыслы по поводу психиатров основаны на триллерах и выдумках журналистов — действительность выглядит совсем иначе, чем в статьях писак. Вы будете лежать в комнате, читать, разговаривать с людьми, а за вами будут наблюдать и, если случится какое-то ухудшение здоровья, тут же помогут! Интересный факт открылся — мой коллега, Василий Федорович, уже встречался со случаями подобными вашему. Люди рассказывали, что видят чудовищ, какие-то странные картины, но фокус в том, что все эти люди были действительно больны, с детства, они практически не могли передать, что видят, не могли рассказать врачу, какие картины наблюдают. Вы же, человек умный, образованный, начитанный, могли бы помочь нам составить представление о предмете исследования, помочь науке в лечении подобных нарушений психики! Ну что, поможешь нам?

Голос психиатра сочился доброжелательностью, был ласковым и бархатным. Так и хотелось, услышав такой голос, бежать за врачом и отдаться в руки исследователей моей психики! Они так думали. По крайней мере, надеялись, что сработает...

— И не подумаю. Несмотря на то что я вижу всякие нити, а на вас, доктор, сгусток в районе затылка, я не собираюсь служить в качестве подопытной свинки или лабораторной собаки — кстати, терпеть не могу Павлова за его издевательство над несчастными животными. Делаю вывод — вы ни черта о том, что со мной происходит, не знаете, вам я интересен только как лабораторный кролик, а если я, спятив на самом деле, отдамся вам в руки, вы и вправду доведете меня до сумасшествия. И если вы думаете, что ваши душеспаситель-

ные беседы возымели успех, то глубоко заблуждаетесь. Вот как-то так. До свидания. Ой нет — прощайте...

Я встал и прошел к двери мимо кислого «колобка», под хмурым взглядом Льва Филипповича, открыл дверь и вышел в коридор.

— Пошли отсюда, мама, ни черта они не знают! Быстро отсюда валим, а если ты еще раз меня поведешь с такой целью в это заведение — клянусь, я сниму квартиру и не скажу тебе где! Все! Закрыли вопрос!

Я рванул вперед, не дожидаясь, когда мать мне ответит, и с разгону врезался в ту самую хромую девушку на костылях, которую видел в коридоре перед тем, как посетил психиатра. Получилось так, что я практически упал на нее, и самое противное в этом было то, что я с размаху погрузился в «тело» метрового «слизняк», сидевшего на девушке, окунувшись в него, как в густой туман или в кашу.

Что произошло — не знаю, но показалось, что пространство вокруг взвизгнуло, этот «слизняк» запульсировал, меня частоту в сторону ускорения, и вдруг лопнул, исчезнув в небольшом темном вихре. Нить, которая связывала его с чем-то, чего я не видел, рассыпалась небольшими кусочками, извивающимися как червяки и через несколько мгновений растаявшими в воздухе как туман.

Только теперь я услышал возмущенный женский вопль и тихий смешок девушки, лежащей подо мной. Как ни странно, она не испугалась, только с интересом смотрела мне в лицо, явно забавляясь ситуацией.

— Может, ты встанешь с меня, увалень, а то моя мама сейчас изойдет криком? — Низкий голос девушки разрушил гипноз ее огромных синих глаз, и я судорожно стал пытаться встать с нее под крики ее мамы:

— Идиот! Набросился на дочь и свалил ее, как сумасшедший бегает! Кто их пускает, этих идиотов, в больницу?! Да уберите этого придурка с нее, она и так едва ходит, а тут этот бандит!

Наконец я встал с девушки, покраснев до корней волос, автоматически протянул ей руку, забыв, что она вообще-то без костылей и ходить-то не может. Она тоже совершенно машинально схватила меня, утонув своей тонкой худой ру-

кой в моей лапше, и вскочила на ноги, на глазах вскрикнувшей и зажавшей рот матери.

Конечно, девушка была худа, измождена болезнью, но она совершенно спокойно стояла сама, без поддержки, без костылей, а ведь несколько минут назад она едва-едва могла двигаться!

Оправившаяся от изумления женщина подлетела к дочери, потребовала, чтобы та села на скамейку, стала подтаскивать костыли, что-то говорить, девушка ей отвечала, но я уже этого не слышал — сбежав вниз по лестнице, я неслись домой, забыв о том, что за мной не поспевает мать, требующая, чтобы я ее подождал, чтобы я не вел себя как идиот или сумасшедший, чтобы я... Уже не помню, чего она там требовала, но в голове у меня вертелась одна мысль, не позволяющая мне слышать ее слова: «Я могу убивать этих тварей! Мое прикосновение убило эту гадость, и девушке стало лучше! Что бы это значило, почему это?!»

На ходу я бросил матери:

— Поезжай домой, я позже буду — хочу прогуляться. Голову проветрить!

Не слушая ее причитания, я запрыгнул на остановке в автобус и поехал куда глаза глядят. А глядели они у меня на какую-то кафешку у небольшого фонтана, где возле голубой ели, разогретой летним солнцем, под навесиком были выставлены столики и ходила официантка, вполне так смазливенькая девица в сексуальном передничке с кружевами.

Она, улыбнувшись, приняла у меня заказ, и вскоре я сидел перед высокой запотевшей кружкой с пивом, открывая фисташки и поглядывая на пробежавший мимо меня рабочий люд.

Холодное пиво лилось в живот, успокаивая и охлаждая мое разгоряченное нутро, а я наблюдал за прохожими и думал: что со мной случилось? Этого, скорее всего, я не смогу узнать... Что-то повернулось в голове, что-то замкнуло или, наоборот, разомкнулось — только теперь я могу лечить людей. Всех людей? Нет, не всех, только тех, на которых сидит эта гадость. То есть фактически — как минимум половину больных людей. А с чего я взял, что половину и что я смогу всех лечить? А я проверю! Кто мне мешает полечить еще ко-

го-нибудь? Если получится, это будет классно... Только представить: я — типа экстрасенс! Лечу наложением рук! Это и почетно, и интересно, и... денежно. Что, я собрался зарабатывать на человеческом горе и болезнях? Упс! Чего я несу-то? Врачи что, на горе и болезнях зарабатывают, типа мародеры какие-то? Ну... если эдак рассудить, некоторые — да. Но не все же! Есть кто лечит ради призвания лечить людей. Почему и я не могу? Тем более что могу вылечивать страшные случаи... хм... наверное. Ох, куда меня занесло! Могу, да, что-то там вылечивать. Могу убрать эту пакость, пакость исчезнет, болезнь, ею вызванная, исчезнет. И все. А что за пакость — не все ли равно? По большому счету... нет, не все равно! Интересно же...

Допив потеплевшее пиво, я побрел вдоль газона с зеленой стриженной травой, вдыхая запах разогретой на солнце хвои, земли и цветов на соседней клумбе, посмотрел на сверкающее в небе солнце и с удовольствием подумал: «А что, хорошо ведь! Когда еще представится повод заняться таким делом, которое денежно, да еще и на самом деле приносит пользу людям! Как начать? А запросто!»

Маршрутка высадила меня возле моего дома, хлопнула самозакрывающейся дверью и унеслась, а я сделал первый шаг к собственному светлому будущему: возле подъезда на скамейке сидели три старушки из нашего дома.

Как всегда они перемывали кости соседям, пересказывали последние дурацкие новости и ругали правительство, которое ну никак не хочет помочь пенсионерам, а кидает им только подачки, как собакам.

Я поздоровался и задержался у скамейки якобы для того, чтобы поправить развязавшиеся шнурки кроссовок. Бабки продолжили прерванный моим появлением разговор, а я внимательно осмотрел их и обнаружил у одной на плече «слизняк» приличного размера. «Слизняк» был темно-красный, с довольно толстой нитью и пульсировал, как будто докачивал последние остатки жизни из старухи. Она шевельнул рукой и, видимо, почувствовала острую боль, потому что вздрогнула и изменилась в лице.

Старуха осторожно потеряла плечо — я видел, как ее рука входила и выходила из темно-красной массы «слизняк»,

потом бабка снова застыла, подождала и сказала своим товаркам:

— Пойду-ка я домой, лягу, так плечо сегодня разболелось — видно, дождь будет. У меня что-то часто стало кости ломить — помру, наверное, скоро.

Она с кряхтением стала подниматься, когда я неожиданно и для себя и для нее сказал:

— Баб Маш, хотите, я вам помогу, полечу?

Старухи воззрились на меня, как будто я сказал что-то необычайно неприличное или же, встав на четвереньки, снял штаны и показал им голый зад.

— Ты? Полечишь? — Самая старшая и злобная старушенция баба Наташа, или, точнее, Наталья Феодоровна, с недоверием посмотрела на меня. — Это чем ты полечишь-то, Кашпировский ты хренов?! Плюнешь ей на плечо, что ли? Или еще что на плечо ей сделаешь?

Старухи радостно захихикали, уверенные в том, что они являются фонтанами искрометного юмора и Петросяну до них, как до Луны.

— Лечильщик хренов! Маш, дай ему... он тебя полечит!

— Тьфу на вас, дуры, пацана совсем в краску вогнали! Старые, а охальницы те еще! — Баба Маша усмехнулась и спросила серьезно: — А что, правда полечить можешь? Если можешь, лечи! Я как-то смотрела про экстрасенсов — там такие молоденькие были — дак они и рассказывали все, и порчу снимали! Может, и ты порчу снимать можешь?

— Могу, баб Маш, — храбро заявил я. — На вас порча, на плечо, я могу снять! Хотите?

— Ясно, хочу, — обескураженно ответила сбитая столку старуха, — только я денег не дам! Нет у меня денег-то!

— Да я и не спрашиваю, вам — бесплатно будет! Сядьте на скамеечку, сейчас я вас мухой полечу! Ну, в смысле не мухами, а мухой, быстро, значит! — Я запутался в своих заявлениях и уже жалел, что связался с этим делом — а вдруг не получится? Злобные старушки разнесут весть по окрестным дворам, потом пальцем все будут показывать — вон, мол, придурок идет, экстрасенс хренов!

Но делать было нечего: назвался груздем — полезай в кузов. И я полез.

Усадив бабу Машу на скамейку, я под любопытными горящими взорами ее подружек важно изобразил из себя экстрасенса — протянул руки вперед и стал шевелить пальцами. Вышло забавно, старушечки даже слегка отшатнулись от моих страховодных движений, и в их взглядах проступило сомнение — зря-то так шевелиться не будет! Колдовство творит, однако!

Коснувшись сгустка зла на плече бабы Маши, я снова ничего особого не почувствовал, только увидел, как сгусток лопнул и завернулся небольшим вихрем. Вся операция заняла секунду — дольше только страху нагонял своими театральными действиями.

— Смотри-ка, а рука-то перестала болеть! — с удивлением сказала баба Маша. — Это ты когда научился-то так лечить, сынок? Вроде я и не знала, что ты у нас тут экстрасенс такой живешь! Ничего себе... Видали, бабки, у нас какой тут умелец живет? Вот это да... вот это парень! Спасибо, сынок! Тебе бы в передачу попасть на телевизор! А вы смеялись, глупые! И что, сынок, все болезни лечить можешь?

— Нет, баб Маш, только те, которые от порчи, которые навели. А если кто упал там и сломал себе что-нибудь — не могу. Только против зла могу. Так что, если кто хочет порчу снять, присылайте, сниму. Если время будет...

Я весело подмигнул и пошел домой, оставив скамеечных завсегдатаев в ошарашенности — случилось чудо! — они лишились дара речи. Это надо где-то записать такое событие...

Стоило мне появиться на пороге, мать завела причитания про лечение, про то, что я зря обидел важных докторов и сбежал из больницы — я, не обращая внимания на ее заунывное бормотание, ушел к себе в комнату и улегся на постель, закрыв глаза. Вначале пытался обдумать происшедшее, а потом дневные переживания, усталость и нервотрепка взяли свое, и я уснул. Разбудил меня голос матери, которая трясла за плечо и говорила:

— Петь, вставай, тут к тебе пришли!

— Кто пришел? Зачем? — Спросенок я ничего не понимал. — Вроде не жду никого. Кто там?

— Женщины две — говорят, ты порчу снять можешь. — Глаза матери были вытаращены от удивления. — Я их спра-

шиваю: какую порчу? Кто такую ерунду придумал? А они не уходят, плачут — в ноги бросаются, выйди, пожалуйста, разберись! Только это... — она понизила голос, — смотри, осторожно! Может, аферистки какие-то или ненормальные — вдруг покусают еще?!

Меня как пружиной сбросило с постели, и я, как был, в слаксах и майке, пошел к двери. На пороге топтались две женщины — одна почти девочка, с ребенком на руках, вторая старше, лет сорока. В глаза бросился здоровенный пузырь, сидящий на несчастном ребенке, который задышался и си- нел, — «слизняк» сидел на горле.

— Вы Петр, да? — с надеждой спросила старшая женщи- на. — Нам сказали, что вы можете снимать порчу, не поможе- те нам? Ребенок сильно болеет, может, порчу на него наве- ли? Мы уж всех врачей обошли — никто не помогает, а маль- чишка чахнет и чахнет! Помогите, ради Христа! Мы запла- тим, все что есть отдадим, помогите, пожалуйста, не откажите!

— А кто вам сказал про меня? — Я рассматривал «слизня- ка» и удивлялся, как ребенок еще жив при таком здоровен- ном гаде на шее. — Помогу, конечно. И не надо ничего, так помогу. Да, на нем порча, и очень сильная, но сейчас мы ее прихлопнем! — Я протянул руку и коснулся «слизняка». — Есть! Готово! Порчи больше нет. Если что, приходите.

Я повернулся и ушел в квартиру, оставив недоумеваю- щих женщин:

— Что, уже все?

— А что вы ожидали? Танцев с бубном, завываний и ка- ких-то молитв древним богам? Все, готово. Если снова нач- нется — приходите. А пока — видите, он повеселел и сделал- ся розовый, дышит как следует, живи, братишка!

Я помахал пацаненку, улыбнувшемуся мне, и пошел на кухню искать банку со спрайтом — почему-то мне привиде- лось, что она где-то в холодильнике была прикопана на чер- ный день, — в глотке пересохло, просто до очумения. Были бы бабки — сплит-систему поставить неплохо бы в доме! Жарко — гребаная хрущоба, последний этаж, крыша нагре- вается, как сковорода, летом спать невозможно. Отвратите- льно. А может, кондиционер-оконник воткнуть? Да что я

рассуждаю-то — все равно бабок нет. А почему не взял у женщин? А что я, мародер, что ли, какой-то, видно же, что небогаты и последний хрен без соли доедают, стремно брать у нищих. Были бы богатые — тех сам бог велел ободрать как липку, не последнее отдают. А эти... нет уж, я еще не опаскудился, чтобы так делать. Не голодаю.

Хлопнула входная дверь, в кухню влетела совершенно очумелая мать:

— Что это было-то? Ты объяснишь? Они мне тысячу рублей сунули! Я отбивалась как могла, а они все равно на шкаф сунули и ушли, тебе привет передавали! Ты что, правда их лечил?

— Мам, ну зачем деньги взяла? — Я слегка расстроился. — Ну да ладно: да, лечил. Я же тебе говорил, я вижу то, что никто не видит. И могу лечить людей от порчи. Веришь ли ты со своими дурацкими докторами или не веришь, но это так. Давай-ка лучше сооруди мне яичницу на копченном сале, жрать хочу, аж пищит все...

ГЛАВА 2

Я не ожидал такого эффекта. Длинные языки бабулек разносили весть обо мне по всем уголкам нашего района и даже нашего города (а может, и дальше!). Возле двери нашей квартиры стояла очередь — люди с изможденными лицами, настойчиво и упорно дожидаящиеся того момента, когда они смогут попасть ко мне на прием.

Вначале меня это радовало — ну как же, я помогаю людям! Мной были уничтожены сотни, тысячи «слизней», спасено множество людей — но чего это мне стоило! Нет, быть неким мессией, великим лекарем не только удовольствие и радость, это огромное напряжение и сплошной негатив.

Как сейчас помню — ко мне пришла молодая семья, которая принесла ребенка лет двух. Ребенок, судя по всему, родился с какими-то нарушениями — то ли генетическими, то ли родовые травмы, но отец и мать не сомневались, что он отстаёт в развитии и уже сейчас ясно, что будет идиотом только потому, что на него наслали проклятие.

Никакого проклятия на нем не было — ребенок с призна-

ками психических отклонений, развивающихся по непонятным мне причинам.

Несчастливые родители были уверены в том, что я уклоняюсь от лечения их чада, и меня за это надо порицать.

Порицали они вначале матом, а потом попытались меня избить — не вышло, все-таки я лось здоровенный, но, вытаскивая их из квартиры, я получил много синяков и царапин — на лице, но больше всего на душе.

Душа моя болела... я даже не подозревал, что в мире столько страданий — эти бесконечные вереницы убогих, больных, страдающих, заискивающих и ругающихся.

Противными были посещения журналистов и различных проверяющих органов — журналисты все время норовили уличить меня в том, что я аферист, который наживается на горе людей, ехидно задавали вопросы с подковыркой, я гнал их, научившись определять этих кадров сразу, с порога.

Кстати сказать. У меня проявилось еще одно странное свойство — коснувшись человека, задав ему определенные вопросы, я мог увидеть какие-то картинки из его жизни. Подобное я видел в старом фантастическом фильме. Герой этого фильма мог определить убийцу, взяв кого-то там за руку или взяв предмет, который человек держал ранее. Насчет предмета не знаю, но вот в том, что можно узнать все о человеке, коснувшись его, я убедился.

Однажды ко мне пришла молодая парочка. Девушка была бледная, некрасивая, толстая, и, ко всему прочему, у нее на шее сидел огромный «слизняк». Ее партнер или жених, не знаю, как его назвать, мне очень не понравился — он был таким лощеным, таким предупредительно-слащавым и демонстративно влюбленным в свою некрасивую подругу, что и без особых способностей становилось ясно: типичный альфонс.

Когда я случайно задел его рукой, в моей голове вспыхнула картинка — толстая девушка с криком падает с высокого этажа дома на асфальт. Он так ясно это представлял, что я увидел это, будто кадры кинофильма. И тут же сцена — этот молодой человек, и рядом голая девица с длинными распущенными волосами, брюнетка, с чувственным губастым ртом, в самом интересном состоянии процесса...

Мне стало неприятно, и я, сделав вид, что хочу получше полечить эту толстушку, выгнал ее парня из квартиры, затем пригласил девушку в гостиную — теперь я тут принимал посетителей, устроив что-то вроде кабинета психотерапевта или психолога, не знаю, как назвать. Пристально посмотрев на нее, я сказал:

— Знаете, зачем я вас позвал? Я хочу открыть вам глаза. Мне вас стало жалко, и я не люблю, когда подличают.

Девушка грустно улыбнулась:

— Вы про Виктора? Вы не первый мне это говорите. Он меня любит. Я не хочу ничего слышать о том, что он негодяй, которому нужны мои деньги. Папа оставил мне деньги, перед тем как разбился его самолет над Саянами, вот теперь все думают, что на меня набросятся ловцы наследств. И вы туда же, хотите обвинить моего любимого?

— И я туда же. Подумайте — нет ли в вашем окружении девушки с губами, как у Анжелины Джоли, с длинными черными волосами, высокой и стройной? Так вот — он с ней спит. Я видел это в его голове. И еще — я видел, как вы летите с высоты пятнадцатого этажа на асфальт. Не ходите с ним в высотные дома, если будет предлагать.

— Все? — Девушка недоверчиво и сердито смотрела на меня. — А лечить будете?

— Да я уже вас полечил — проклятие снял, вероятно, вы уже стали чувствовать себя лучше, не правда ли? Всего доброго вам, ваш молодой человек вас заждался. Помните про высотные дома...

Я выпроводил девушку, сердито косящуюся на меня, и подумал: «Какого черта я лезу не в свое дело? Ну убьют ее, и что? Если она сама хочет, чтобы это сделали, я-то при чем? И вообще, что я здесь делаю?»

Посмотрел вокруг — мать суетится на кухне, разговаривая с какими-то людьми, в прихожей столик для записи посетителей, в гостиной кабинет для приема, свободен я только в своей комнате, когда запираюсь и не отвечаю ни на какие стуки и крики за дверь.

Уже четыре месяца я снимаю проклятия с людей. Проклятия ли? Что это за «слизни»? Я так это и не узнал. Пытался найти упоминание о них в Интернете, пытался связа-

ться с какими-то экстрасенсами — бесполезно. Экстрасенсы оказались на сто процентов аферистами, в лучшем случае обладающими незначительными паранормальными способностями, никаких «слизней» они не видели и вообще принимали меня за сумасшедшего, перестав отвечать на мои письма или звонки по скайпу. Постепенно я прекратил общение со всеми ними.

Мне все осточертело. Мне осточертела эта квартира, мать с ее разговорами с объявившимися вдруг помощниками организации лечебного процесса, толпы людей, которые, заглядывая в дверной проем, ждали — когда же они войдут в квартиру?

Выйти во двор я не мог — начинали шептаться и цепляться ко мне: «Это он! Это он!» Ко мне подбегали на улице и просили снять проклятие, ночевали на лестнице и в машинах возле подъезда, в ожидании посещения.

Соседи начали писать жалобы. Жалобы дошли до самых верхов, и началось: проверяющие шли потоком, один за другим — первой ласточкой был участковый, который важно вышагивал с папкой по квартире, но, так и не найдя к чему придраться, свалил к себе в опорный.

Пытались прорваться телевизионщики с какого-то местного канала — предупредил мать, чтобы она ни под каким видом их не пускала. Когда они пришли, она обдала их вчерашним супом — слава богу, теплым, потому что уделаны они были с головы до ног и ретировались, угрожая, что так распишут нашу богадельню, что прокуратура нами сразу заинтересуется.

Прокуратуры пока не было — видимо, не успела до нас добраться, но конкретный, серьезный наез. Проблемы начались однажды в понедельник с молодого человека, который зашел ко мне сгибаясь и изображая сильную боль.

На нем не было «слизняк», и видно было, что он ненатурально изображает недужного. Взяв его за руку, я четко увидел человека в форме, рядом с которым, улыбаясь, сидел этот парень, вполне здоровый и веселый, и совсем недавно здоровый и веселый, часа два назад.

Посмотрев в глаза парню, я спросил:

— Что, вы штатный сотрудник или так, по велению души пришли разоблачить афериста?

Парень сразу прекратил изображать страдания.

— О чем вы? — Его глаза сделались колючими и настороженными. — Не понимаю!

— Все понимаете. Если ваш начальник хочет действительно что-то выяснить, пусть приходит сам. Или боится?

— Ничего он не боится! — начал парень, тут же заткнулся и покраснел, потом вскочил и выбежал из квартиры.

Его начальник и правда появился — на следующий день.

Он вошел в квартиру с видом хозяина, по его лицу было понятно, что он точно не ждал у порога сутками, да и не собирался — такие люди всегда вне очереди и берут то, что им надо.

— Приветствую. Вы Петр?

Из-за плеча важного чиновника испуганно выглянула моя мать и пожалала плечами — что, мол, я могла сделать?

— Я Петр!

Посмотрел на человека — ну да. Этого парня я видел вчера вечером, только он был в милицейской форме — по-моему, полковничьей, а теперь — в дорогом даже на вид костюме, при золотых часах. Лицо умное, смотрит хмуро и хитро, как будто пронизывает взглядом насквозь и заранее знает, что я виноват.

— Так что вы тут устроили, Петр? Прежде чем принять к вам меры, решил узнать получше, что тут происходит, посмотреть на это бесчинство! Кто вам позволил устраивать из квартиры лечебницу? Вы имеете медицинское образование? У вас есть разрешение на практику? Предъявите ваше разрешение! Вы получаете доходы, нигде их не отмечаете, ни в каких декларациях — вы нарушаете закон, и мы вас можем арестовать!

Я стал медленно закипать от злости, глядя на этого холерного борова, по хозяйски топающего по моей квартире.

— Вы, вообще, кто такой? Вы чего тут расхаживаете, как хозяин? У вас есть право врываться в дом, допрашивать, выдвигать обвинения? Шли бы вы отсюда к чертовой матери!

Глаза полковника сузились, его перекосило от злости:

— Значит, так, да? Наглеешь? Сопляк! Я просто тебя

уничтожу, вместе с твоим притоном! Бабки берешь и не делишься? Гаденыш! Чтобы каждую неделю по десять штук отдавал! Тогда будешь работать! Нет — я эту свору разгоню, а тебя закрою!

— На основании чего закроешь-то? Я и не открывал ничего. Не лечу никого. И кстати сказать, ни рубля в руки не взял!

— Ты не взял — твоя мамаша берет! В среду пришлю парня, вчера который был, чтобы передал десять штук. И так каждую среду будешь отдавать. Все, разговор закончен!

Полковник, нарочито топая, вышел на лестницу, а я, опустошенно закрыв глаза, стал думать — что делать? И правда ведь закроет! И хрен с ним, пусть закрывает. Не хочу больше этот конвейер бед обслуживать. Черт с ним, с этим предприятием, — ошибка была. Найду что-то и получше для заработка. На том и порешил.

Получилось так, что к моменту визита полковника (так я для себя его окрестил) я уже созрел для того, чтобы закрыть предприятие.

Впрочем, как оказалось, полковник имел в виду другое закрытие — по своей темности я не знал, что на уголовном жаргоне, а также на жаргоне милиционеров, «закрывать» — означало вовсе не закрыть предприятие, а нечто худшее...

В среду в дверь заглянул тот самый хорьковатый парень — он нашел меня глазами и спросил:

— Приготовил?

— Нет, не приготовил. Пошли вы на хрен с вашим полковником!

— Вот так, да? Ну пеняй на себя!

Парень исчез, а я продолжил прием «проклятых» людей.

Около пяти вечера я прервался, чтобы поужинать, и уселся на кухне, хлебая щи и заедая их пирожками с мясом, которые очень хорошо пекла мать.

Слава богу — я успел съесть большую тарелку, умять три пирожка, когда в дверь позвонили и обломали мой ужин...

После того как мать открыла дверь, в квартиру ворвались вооруженные люди в камуфляже и стали дико вопить, как будто напали на наркопритон или логово террористов:

— Всем оставаться на местах! Лежать! Стоять где стоите!

Я очень удивился взаимоисключающим командам — как это я буду лежать, если я сижу, и как буду стоять, если не стою? Выяснить данные вопросы решил у главного, громче всех оравшего, тут же получил сапогом в ребра и улегся на полу в позе зародыша — мне было очень больно и обидно, и скоро я все-таки просветился и узнал, что «закрыть» означает не ликвидацию предприятия.

А означало оно, что меня вульгарно сажают в милицейскую машину под взглядами сочувствующих и злорадствующих людей и везут в КПЗ, где нормально оформляют задержание по подозрению в мошенничестве и еще по множеству статей, среди которых, слава богу, не было статей по педофилии и изнасилованиям — и за это спасибо важному полковнику.

В «обезьяннике» сидело с десятков людей в разной степени целостности — двое с подбитыми глазами и разбитыми носами обсуждали какую-то Таньку, которая «ввела в блудняк», трое других негромко переговаривались, озираясь по сторонам, еще один... в общем, шла напряженная, активная жизнь.

Меня вызвали довольно скоро — как я и ожидал. Два милиционера — впереди и сзади, повели меня по пыльной лестнице на второй этаж, мимо пахнущего хлоркой и неисправным унитазом туалета, в самый конец коридора, где на двери была привинчена табличка «Начальник Управления общественного порядка Кантирович».

Один из сопровождавших меня милиционеров постучался и, не дождавшись ответа, заглянул за массивную деревянную дверь:

— Товарищ полковник, задержанного доставили!

Меня толкнули в кабинет, и я оказался перед сидящими у стола тремя мужчинами — полковник так и был в гражданской одежде, рядом же сидели двое в милицейской форме, майор и подполковник. По их виду, они были давно и глубоко пьяны — рубахи расстегнуты, галстуки отпущены, лица их были красны, а на столе перед ними стояли рюмки и тарелки с лимоном и бутербродами.

— Ну что, наглец, вот я тебя и закрыл! Предупреждал же! Видите, ребята, каков наглец — я пришел к нему по-доброму,

предупредить, помочь, а он меня на хрен посылает! — Полковник встал, обошел стол и, споткнувшись о ножку шкафа, заорал: — Ты кто такой, гаденыш, чтобы противиться мне, Кантировичу?! Да я тебя сгною! Да я тебя!.. — Он размахнулся и врезал мне в скулу, разодрав кожу перстнем и отбросив в угол, на пол.

Я был в наручниках и, упав на спину, испытал невероятную боль — похоже, руки мои распухнут потом до размеров бревен. От ярости и боли я зарычал, и мне страшно захотелось убить этого подонка, захотелось стереть улыбку с его поганой морды, и тут со мной что-то случилось — мозг вспыхнул огнем, и из меня что-то полезло, как будто мозг выдавливал из себя нечто черное, гадкое... Это гадкое лезло, лезло и вдруг обернулось «слизняком» размером с футбольный мяч!

Этот «слизняк» метнулся как кошка и шлепнулся на голову полковника — тот охнул и схватился за темечко.

— Ну, пацаны, говорила мне мама — не пей, не пей больше! Не слушал ее! Что-то у меня голову сжало, как обручем. — Полковник проковылял на место и уселся, глядя в стену бессмысленными глазами. — Давно так голова не болела. У вас не болит, ребята? Может, погода меняется?

— Да нет, вроде бы не болит, — ответил один из собутыльников и зашептал: — Слушай, ты бы не связывался с этим типом, все-таки экстрасенс, говорят... наслет еще какую-нибудь гадость...

— Да пошел он! Это обычный аферист, никакой он не лекарь — я следил за ним. Бабки греб лопатой — делиться не желал! Вот теперь пусть посидит. Ну что, еще по одной?

— Нет, мы пойдем домой, хватит. Нормально посидели. — Подполковник с сожалением поднялся и кивнул на меня: — А с ним что будешь делать, правда его закроешь?

— Закрою, теперь куда деваться, обязательно закрою! Щас оформим, и в СИЗО... пусть посидит полгодика, подумает, кто тут хозяин.

Я лежал в углу, смотрел на хозяина кабинета, на его друзей и пытался понять: что случилось? Как я выпустил эту гадость из себя, и почему у меня вдруг перестала болеть отбитая скула? Почему у меня зажили ссадины на руках, скован-

ных наручниками, руки не болят, и вообще — я чувствую себя великолепно, в отличие от этого негодяя, как вижу!

А негодяю и правда было плохо — он с трудом поднялся, потирая виски руками, подошел к внутреннему телефону и сказал в него отрывистым и грубым голосом:

— Быстро сюда помощника — задержанного отправить в СИЗО! — Потом полковник положил трубку, снова уселся за стол и стал сверлить меня тяжелым взглядом. — Сгною тебя! Будешь сидеть в СИЗО и полгода и год — пока не начнешь соображать, как себя вести, и не приползешь ко мне на коленях! Буду узнавать время от времени — как ты, не готов ли уже работать как следует, как надумаешь — скажешь. А пока посиди. Там сейчас хорошо... курорт! — Полковник усмехнулся, явно зная что-то интересное о следственном изоляторе, и отвернулся, потирая виски.

Я молчал и смотрел, как на его голове пульсирует черный как уголь футбольный мяч. Толстая черная нить тянулась ко мне, и я думал — теперь я знаю, куда и зачем тянутся эти нити. Сколько же нас таких? Сколько людей питаются чьей-то жизнью? Откуда вообще взялась у меня эта способность? Ответа не было.

Серый автозак втянулся в унылый двор, меня вывели из машины с обязательными словами — «Руки за спину! Смотреть вперед!» и повели по длинным коридорам, выкрашенным синей краской.

В дежурке скучный толстый капитан оформил мой прием, забрал все, что у меня было в карманах (а у меня там и ничего не было), шнурки из кроссовок, и вот я уже снова шагаю по коридорам и переходам СИЗО к своему пристанищу на ближайшие недели и месяцы — камере сто тридцать четыре.

Вот в этой-то камере я и узнал, что такое ад на земле.

Переход от роли мессии к роли заключенного был настолько стремительным и шокирующим, что мой мозг до конца так и не смог это осознать, особенно когда открылась дверь в «преисподнюю» номер сто тридцать четыре и перед глазами предстал он, ад: в камере, предназначенной для двадцати человек, находилось восемьдесят.

До сих пор я не понимаю — зачем засовывать в тюрьму

всех без разбора? Ну ладно я, меня засунули туда специально, как бы попрессовать, нет, не как бы — а точно попрессовать, но эти-то — мелкие мошенники, воришки, семейные дебоширы и пьяницы — им-то что там делать? Почему судебная система работает так, что эти люди, еще не осужденные, должны месяцами находиться в диких условиях, фактически быть наказанными с недоказанной виной? Нет ответа у меня и никогда не будет.

Это тесное помещение было заполнено клубами дыма, тут курили, и дыму некуда было уйти — он висел под потолком тяжелой полосой, во влажной жаре, как туманные испарения каких-нибудь африканских или южноамериканских болот.

В этом дыму лазили полуголые, мокрые от пота люди, с блестящими от лихорадки, жары и бессонницы глазами, мои будущие товарищи по несчастью — только вот товарищами их называть было совсем нельзя, это точно.

Мое появление в камере было воспринято никак — на меня почти не обратили внимания, хотя я ждал, что будут сейчас докапываться, — я не возвращался в кругах близких уголовным, но кино-то смотрел, а наши киношники любят смаковать всякие подробности из жизни зэков.

Стал лихорадочно вспоминать — как мне себя вести, и громко поздоровался с камерой:

— Приветствую! Кто старший, с кем говорить?

С завешанных тряпками нар слез молодой парень с одутловатым лицом и протянул мне руку.

— Давай здороваться, что ли?

Я заметил заинтересованные взгляды окружающих и почувствовал неладное — не стал с ним ручкаться, а еще раз спросил:

— Кто старший в камере?

Одутловатый не отставал:

— Что, тебе запахло здороваться со своим товарищем?

— Цыц, Мурка! — откуда-то издалека, от окна раздался жесткий голос, и на нарах присел мужчина лет сорока, по пояс голый, весь в наколках. — Иди сюда, парень.

Я прошел к нему, и мужчина, посмотрев на меня, спросил:

— По какой статье чалишься?